

Я никогда не скучаю, когда я одна;
я предпочитаю совсем уединённые места
и там переживаю множество вопросов,
которые себе не задают люди,
считающие себя умными и развитыми...

Жюль Санд.
Маленькая Фадетта

Аида, молнии и тени

Она была занята. Она играла с молниями. Она давно научилась играть с молниями, лет в семь.

Это значит... Сколько уже? Года четыре? Да, уже четыре года, как её привлекают светящиеся небесные змеи. Вот сейчас будет вспышка справа!

Да, угадала!

Она не боится их, они не трогают её. Она восхищается ими, а в ответ они дают ей силы.

Молния, покажись! Ух ты, красиво! Небо прошивается огненными нитками. Три таких стежка — и в разломанном небе загорается зигзаг.

Иногда молнии общаются с ней, отвечают на вопросы, дают подсказки. Можно сказать, они дружат с Аидой. Да, молнии умеют дружить.

— Молнии, дайте мне силы! — прошептала Аида сквозь стекло окна.

Они ответили мощным всполохом, который отразился в её глазах, расширенных от восхищения. Окно было полуоткрыто, и на макушку падала мелкая россыпь дождинок.

Потом она ласково попрощалась с молниями-друзьями. Ей пора ложиться спать.

Так велят взрослые. Взрослые, которые боятся молний.

— Аида, закрой окно!

Аида не всегда понимала, почему нужно ложиться спать в самый неподходящий момент. Ей что-нибудь объясняли, совсем обычное и незначительное.

Вот как сейчас:

— Аида, завтра тебе рано вставать и идти в школу.

— А, точно...

Завтра она встретит тех, кто населяет большие дома. Аиде повезло, что она живёт на острове из маленьких домов, она это знала. Аида здесь выросла. Чуть ли не с рождения она играла с кошками, птицами, жуками, листьями и дождями, училась понимать настроение деревьев и животных. Бабушка часто повторяла: «Мы живём на земле», — и улыбалась

гордо и таинственно. Да, это точно! Они близки к земле и ко всему, что ей принадлежит. К тому же это был их собственный кусочек земли.

Большая часть Аидиных одноклассников живёт в домах-высотках, вот им не позавидуешь! Они бледнолицые и не такие закалённые, как Аида, а главное — они потеряли связь с силами природы. Они многого не знают и не замечают.

— Аида, отойди от окна, говорю! Тебе пора спать.

— А? Иду...

Аида вытянула правую руку и сосредоточилась, чтобы вобрать в ладонь нечто невидимое, — попросила силы. При очередном всполохе Аида схватила то, что молния ей подарила, и так крепко сжала кулак, что вонзила ногти в кожу.

— Спасибо, — выдохнула она и отвернулась от окна.

Молния прощально посветила ей в спину и скользнула дальше по небу.

Аида посмотрела в зеркало. Волосы наэлектризовались и замерцали фиолетовым

светом, хотя обычно они золотисто-жёлтые, как мёд.

Аиде говорили, что глаза у неё тоже золотистые, как янтарь. А ей хотелось, чтобы её глаза сравнивали с тигриными.

Но какой из Аиды тигр? Она пугливая мышь.

Аида вошла в спальню, где её поджидали шустрые тонконогие тени. Завидев Аиду, они тут же сорвались с места и побежали по потолку. Тени тоже любят играть. Только выключишь свет, и они начинают перебегать из угла в угол — упитанные укороченные жирафы, вытянутые прямоугольные олени.

Иногда их сметает с потолка многорукая тень кленовой ветки. Этот клён за окном, как настоящий рыцарь, защищает Аиду от ветра, от шума, от посторонних глаз, от лишних и чужих теней.

Если по дороге проезжает редкая машина, по потолку начинают носиться чужаки, похожие на пауков с глазами-прожекторами. Они любят плести густые теневые паутины. Тогда клён сердится и — вжух! — сметает всех начисто. Летом клён посылает ей в окно ярких бабочек

и лепестки цветов, осенью — лиловые листья, а зимой — продрогших птиц.

Сейчас кленовый рыцарь подмёл потолок начисто и поставил присмиривших жирафов и оленей в угол над книжными полками. Но несколько теней затаились на ковре.

Аида отогнула край ковра на стене. Так и есть, вот они. Аида достала из-под подушки карандаш. Тени подсказывали ей, что рисовать. Показывали чудные фигуры и переплетения, фантастических насекомых и птиц.

Тени вообще фантазёры!

Потом тени ускользали, а нарисованные птицы оставались.

Аида знала: если не зарисовать увиденную фигуру тут же, то потом ни за что её не вспомнишь!

Тени стираются и со стены, и из памяти.

Аида отыскала среди скрещённых теневых линий диковинный птичий силуэт и принялась рисовать. Полюбовалась на контур новой птицы. Снова прикрыла ковром.

Всё, теперь Аида готова к завтрашнему дню. Ей ничего не страшно! Ни историчка, которая хочет её со свету сжить, ни злобный

карлик из параллельного класса, ни подруга-
предательница.

Пускай наступает завтра!

А если что-то пойдёт не так, Аида покол-
дует на огонь.

Аида и неприятности

Директор, карлик и Параднша

Аида смотрела на директора и понимала: с ним что-то не так. Может, он болен или у него случилось несчастье? Может быть, кто-то неизлечим в его семье? Любимая собака, например. Ведь нормальный человек, у которого всё в порядке и все дома, не может так орать. Аида не смогла бы.

— Ты что, не понимаешь? — порозовел от крика директор.

Аида покачала головой и слегка улыбнулась, чтобы успокоить директора.

— Не-а.

Директор очень сильно напоминал Аиде розового пеликана. Аида никак не могла удержаться от сравнения и находила сходства: крупный, запрокидывает голову и шею назад, издаёт глухой рёв, имеет розоватый окрас.

— Хорошо, — отдышался директор и потряс пеликаньим кожаным мешочком под подбородком. — Вот в чём ты пришла?

— В одежде? — предположила Аида.

— В какой?!

— В своей. В своей любимой.

Аида всё ещё не понимала, к чему ведёт этот большой кричащий человек-пеликан.

— А надо в школьной! В школьной форме, понимаешь? Ты же находишься — где? В школе! Здесь носят школьную форму! Почему ты не в ней?

Аида удивлённо оглядела себя, потом, с ещё большим удивлением, — директора.

— Потому что в ней неудобно! Спина от неё чешется. Форма колючая, на шею давит и настроение портит тёмным цветом.

— Всем удобно, а тебе неудобно?

— Никому не удобно.

Директор-пеликан покачался с пятки на носок и убрал руки за спину.

— Ты представляешь, что будет, если все захотят одеваться в любимую одежду?

— Представляю, — улыбнулась Аида. — Будет красиво.

Директор выдохнул ещё раз. И ещё раз. Вдыхать воздух у него не получалось, только выдыхать.

— Мне вас очень, очень жаль, — сказала Аида.

— Да? Серьёзно? — поднял бровь директор, блеснул глазами и резко склонился над ней, чуть не клюнув носом-крючком.

Сейчас он был похож на охотящегося пеликана. Вот-вот подцепит её клювом и закинет в свой мешок!

— Ну конечно... Так переживать из-за какой-то ерунды... Хорошо, хорошо. Я надену эту вашу страшную форму, раз уж вы из-за неё расстраиваетесь.

— Вот спасибо! Как я рад! — сказал директор, но по нему было непохоже, чтобы он обрадовался.

— Ей меня жаль! Смотрите-ка! — ворчал директор ей вслед и качал головой. — А я бы пожалел твоих родителей.

Аида обернулась. Директор всплеснул руками. Ей показалось, что он вот-вот захлопает крыльями: так пеликаны пугают рыбок и выманивают из глубины на поверхность.

